

*Доктора филологических наук, профессора Узбекского государственного университета мировых языков **Дильярам Умаровну Ашурову** поздравляем с юбилеем и желаем быть всегда успешной в учёном мире, никогда от своего не отступать и уверенными шагами идти дорогой, полной сил, бодрости духа и значимой деятельности.*

Редакция fledu.uz

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПРОФЕССОРА Д. У. АШУРОВОЙ (ОТ ЭМПИРИЗМА К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ)

Ш. С. Сафаров

*Доктор филологических наук, профессор
Самаркандский государственный институт иностранных языков*

Биография ученого — его творческий путь, его публикации и ученики. Здесь я не намерен перечислять все труды профессора Д.У. Ашуровой (составление биобиблиографического очерка, думаю, долг наших молодых коллег, ее учеников), а также не ставлю задачу полного освещения ее научных взглядов и концепций. Не претендую быть на должности судьи и входить в состав коллегии присяжных. Мои суждения — товарищеские, намерения — дружеские и моя цель — скромная, а именно — проследить ход развития творческого пути этого известного, но скромного лингвиста и охарактеризовать отдельные моменты эволюции её лингвистических взглядов. Конечно, трудно ограничить какими-то рамками амплитуду творческих интересов профессора Д.У. Ашуровой, её научная деятельность охватывает широкий спектр лингвистических направлений: стилистика, лингвистика текста, коммуникативная лингвистика, прагматика, когнитология, гендерная лингвистика, лингвоконцептология и, наконец, лингвокультурология. Мне кажется, что ей наиболее четко удалось выразить свое научное credo в работах, выполненных в русле когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Лингвокультурология, как и все другие молодые науки, лишь недавно начала выделяться в отдельную дисциплину. Эта дисциплина — в большей степени перекрёсток, чем проторенная дорога, и на этом перекрестке сходятся лингвистика и культурология. С первого взгляда кажется, что формирование нового направления происходит гладко, без каких-либо особых конфликтов.

Однако каждая наука в ходе ее исторического развития уже выработала собственные постулаты, методы, видение мира, и представителю другой дисциплины очень трудно «извне» понять параметры другой науки. Как следствие, исследователям, работающим в разных научных областях, трудно общаться друг с другом, они действительно «говорят на разных языках». Поэтому тому, кто осмелится заняться междисциплинарными изысканиями, можно посочувствовать, поскольку он должен постоянно искать новые методы анализа, вырабатывать постулаты, отвечающие требованиям наук, вступающих в союзнические отношения. С другой стороны, мы можем и позавидовать этому исследователю, ибо он получает возможность постановки и решения совершенно новых задач, связанных с научным моделированием реального состояния объекта (в нашем случае — языка). Так, дорогие друзья, давайте позавидуем Дилором Умаровне, но чтобы эта зависть всегда была «белая», лично у меня она белая с нежным блеском. Безусловно, профессору Д.У. Ашуровой было нелегко заслужить такое нежное отношение и уважение. Представляю, как трудно ей было находить стыковочные узлы интересов разных дисциплин, поместить их на одно концептуальное поле, и тем самым внести вклад в интеграционные процессы гуманитарно-социальных наук.

Да, Д. У. Ашурова изначально была сторонницей интегративного подхода в изучении языкового поведения и поведения языка. Будучи еще в аспирантуре, она поняла, что стиль языка не должен представляться как набор технических приёмов, применяемых вопреки содержанию речи. Подобный утилитарный подход к изучению стиля, конечно, никак не удовлетворял молодую исследовательницу. Вероятно, поэтому она никогда не отталкивалась от определения стилистики, данного основателем этой дисциплины: «Стилистика изучает экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражения в речи явлений из области чувств и действий речевых фактов» (Балли 1961, с.33). Данное определение также грешит утилитарностью и сужает границы стилистических исследований. Объектом стилистики является не только эмоциональный пласт речи, но и сам процесс порождения той или иной формы речевого произведения. Как и предупреждал научный руководитель по кандидатской диссертации Д.У. Ашуровой Илья Романович Гальперин, нельзя отождествлять правильность выбора слова с точностью, силой, эмоциональной насыщенностью речи, поскольку все эти признаки определяются «ситуацией, в которой протекает общение, и целью коммуникации» (Гальперин 1958: 19).

Не могу утверждать, что Д. У. Ашурова была прилежной ученицей и полностью поддержала научные взгляды своего учителя. В характере Д.У. Ашуровой преобладают, скорее всего, анархические элементы. Иначе, чем же можно объяснить тот факт, что она на некоторое время отошла (или старалась отходить) от тех исследовательских постулатов, методов, которые ей очень и

оченьгодились в начале ее научной жизни. Действительно, оставаться вечно в рамках того подхода, который преследует цели выделения набора стилистических приемов, их таксономий по показателям эмоциональной напряженности было бы невозможно.

Следовательно, Д.У. Ашурова стала искать другое поле для обработки, и перед её взором открылась новая долина — долина словообразования. В начале 1980-х, когда она стала незаметно заглядывать в эту долину, никто не стал обращать на это особого внимания. И доцент Ашурова удивила многих, выбирая в конце 1980-х тему докторской диссертации и неожиданно для некоторых своих коллег обратившись к совершенно новому материалу — как, казалось, не очень перспективному и даже «скучному», а именно — словообразовательной системе. Преданность профессии красиво организует человеческую жизнь: даёт примеры последовательного исполнения долга и творческих выборов, порой неожиданных, но органичных, а в итоге — пример богатой и внушающей уважение реализации себя. Так и Д.У. Ашуровой удалось еще раз показать, что словообразовательные явления достойны пристального внимания и изучение этих явлений должно занять особое место в плане описания языковой реальности, «языка в действии». В результате защищенная в октябре 1993 года докторская диссертация «Стилистические и прагматические аспекты словообразования английского языка» (Ашурова, 1993) оказалась в русле сменившейся парадигмы научных приоритетов. Приоритетность коммуникативно-прагматического подхода к словообразовательным явлениям была особо подчеркнута и в чуть раньше опубликованной монографии (Ашурова, 1991).

На основе описания производных единиц с позиций коммуникативной теории языка можно глубже проникнуть в сущность речемыслительной и речесозидательной деятельности языковых личностей, а также раскрыть тайны языковой креативности. Так и Д.У. Ашурова в докторской диссертации ставит целью подтвердить «правомерность выделения особого направления в словообразовании — коммуникативно-стилистического, нацеленного на изучение коммуникативно и антропологически обусловленных свойств словообразовательных единиц, креативных возможностей и эстетической ценности словообразовательной системы» (Ашурова 1993, с. 35). Как видно, исследовательница позволяет себе вторично вступить в ту же реку — заняться стилистикой. Однако Д.У. Ашурова уже «пахарь» опытный, она никогда не «пашет» мелко. Для неё стилистика — уже дисциплина широкого ориентира, и эта дисциплина не должна заниматься лишь технологией порождения «красивой речи».

Интенсивное развитие коммуникативного подхода к изучению языковых явлений, которое разрабатывалось в 70–80-е годы прошлого века в мировой лингвистике, дало большой толчок к более углубленному толкованию отдельных понятий лингвистики, открыло перспективы

успешного переориентирования многих направлений традиционной лингвистики на изучение закономерностей речевой коммуникации, межличностного общения, на создание общего концептуального аппарата языковой деятельности человека. В этой ситуации было естественно ожидать поворот стилистических исследований к коммуникативно-речевой деятельности человека. В результате стилистика как научная дисциплина приобрела новый облик, она начала выводить предмет стилистики «стиль языка» в область коммуникации и прагматики. В процессе подобной научной перестройки такие основные категориальные понятия стилистики, как стиль, языковая норма, стилевая черта, приобрели значимость в виде системы функционально-прагматических отношений. Но для определения уровня коммуникативной ценности этих категорий необходимо было выявить группу системообразующих модификаторов, которые способствуют формированию ценностного аспекта передаваемой информации.

Д.У. Ашурова, как и некоторые другие коллеги-стилисты, ясно осознав необходимость поиска такого модификатора, отметила, что отбор и комбинирование языковых единиц, состоящих в системных отношениях и функционирующих в отдельных речевых произведениях, базируется на принципе коммуникативного детерминизма. При этом она полагает, что реализация данного принципа происходит под влиянием конкретной ситуации общения в соответствии с прагматической установкой речевого акта в определенных типах текста. Впрочем, регулируемость коммуникативных актов условиями исполнения речевых действий была отмечена и основателями теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрль и др.), однако они полагают, что это утверждение не относится к фактам «несерьезного употребления языка», т.е. поэтической речи (Austin 1962, с.9). Я убежден в том, что нарушение риторических и грамматических конвенций не всегда приводит к коммуникативным неудачам, преднамеренное нарушение нормы — это скорее всего результат особого отношения коммуникантов к языку. Как и было доказано в исследованиях Д.У. Ашуровой, выполненных в русле коммуникативной стилистики, в разряд основных текстообразующих категорий должны быть включены категории прагматической установки и прагматической эффективности, которые являются определяющими моментами при отборе и использовании языковых единиц (Ашурова 1993, с.27).

Итак, Д.У. Ашуровой приходится заниматься стилистикой на протяжении всей своей «лингвистической» жизни, она фактически не покидает тем, избранных ею в молодости, остается им верна. Такая верность, несомненно, находит свое вознаграждение, и наградой в этом случае было вступление в ряды когнитологов — ученых, которые представляют язык и, соответственно, речемыслительную деятельность как когнитивный механизм,

способствующий передаче определенных пластов знаний, содержащих информацию о явлениях действительности. Впрочем, стремление Д.У. Ашуровой в сторону когнитивной стилистики было заметно еще в процессе работы над докторской диссертацией, когда она видела будущее стилистики в «выдвижении новых подходов и концепций в решении многих проблем стилистики в рамках целостного коммуникативно-когнитивного подхода к языку» (Ашурова 1993, с.5).

Мечтать о новых подходах и концепциях всегда можно, но где и как их искать? Для решения этой проблемы ученый должен поступать как искуснейший зодчий в науке и уметь пользоваться, казалось бы, совершенно неподгоняемыми «кирпичиками» при построении вечно крепкого, стройного здания. Оказалось, что Д.У. Ашурова имеет навыки зодчего, она умело собирала «концептуальные кирпичики» отдельных лингвистических (порой и нелингвистических) дисциплин и не спеша построила то здание, в стенах которого происходит процесс «сопряжения коммуникативной и когнитивной текстовой деятельности» (Ашурова 2010, с.18). Использование концептуального аппарата когнитивной стилистики дало повод повторно вступить в ту же реку и обратиться к, казалось бы, немного забытому материалу — стилистическим фигурам. Но теперь ученики Д.У. Ашуровой изучают такие явления, как аллюзия, эвфемизм с точки зрения ментального осмысления событий и их языковой репрезентации в процессе художественно-литературной коммуникации.

Как вы уже заметили, Д.У. Ашурова никогда не забывает наставления своего учителя и всегда, на всех этапах своей научной деятельности, как и поступил в свое время И.Р. Гальперин (1981), постоянно держит текст в фокусе внимания. Текст, безусловно, заслуживает такого внимания, ибо он является одновременно основной единицей коммуникации и важнейшим средством хранения и передачи знания, информации. Поэтому в исследованиях, выполненных в русле как коммуникативной, так и когнитивной стилистики, где определяется коммуникативная сущность и когнитивная природа текста, задача выделения типов информации выдвигается на передний план.

Информативное содержание текста — результат познавательной деятельности человека. В связи с этим для когнитивной лингвистики, равно как и для теории текста большое значение имеет выделение в концептуальной структуре текста отдельных концептов, которые отражают информацию о познаваемом мире. В соответствии с этим Д.У. Ашурова предлагает выделить сверхконцепт, макроконцепт и микроконцепт как самостоятельные единицы информационной структуры текста. Эти единицы образуют своеобразную иерархическую систему и обладают смысловым содержанием разного объема. Сверхконцепт — это смысловой фокус текста, выражает «общий смысл» информации, макроконцепт, в свою очередь, отражает смысл отдельной части

текста, тогда как микроконцепт отражает концептуальный смысл отдельной языковой единицы (Ашурова 2009, с.8).

Как известно, термин «концепт» стал любимым, заветным словом лингвистов и культурологов. Однако, как и было замечено отдельными лингвокультурологами, этот термин настолько же широко распространен, насколько неоднозначен (Тер-Минасова 2008, с.41-43). Иногда кажется, что значение этого термина сохраняет отдаленную связь со средневековым спором номиналистов и концептуалистов, в котором использовался латинский термин *conceptus*. Однако согласиться с этим трудно. Отзвуки схоластического спора не могут служить для развития понятийного аппарата когнитивной лингвистики. Более того, в исследованиях данного направления широкое употребление данного термина не обязательно. Этот термин может сыграть роль «форс-слова» (*mot-force*) для лингвокультурологии и лингвоконцептологии. Однако этим никак нельзя отрицать терминологическую значимость слова «концепт» для когнитологии. Для адекватного использования данного термина необходимо, с одной стороны, учитывать принципы организации и распределения информации в пространстве речевых образований, с другой — разграничивать отдельные блоки информативной структуры ментальных единиц. Д.У. Ашуровой, по всей вероятности, удаётся решить первую задачу, поскольку вслед за своим учителем (см. Гальперин 1981), она в исследованиях, посвященных изучению когнитивной природы текста особо подчеркивает важность подразделения текстовой информации на фактуальную, концептуальную, подтекстовую. Думаю, вторая задача также не забыта, ибо нельзя ограничиться выделением отдельных типов концептов (сверх-, макро- и микроконцепты), самое главное — установить особенности их иерархических отношений, уровни их взаимодействия в формировании концептуально-смысловых структур.

Недавно некоторые участники VII международной конференции «История когнитивной лингвистики» (Париж, 30-31.01. 2009) хотели предугадать время вступления когнитивной лингвистики в четвертый этап развития — этап внутреннего конфликта и кризиса. Подобный ход развития событий не допустим, даже думать об этом страшно. Уверен, Д.У. Ашурова также не сторонник подобного прогноза. Тем более, что серьезный ученый, прекрасный педагог, творческая личность, обаятельный человек, профессор Д.У.Ашурова никогда не останавливается на достигнутом, а поэтому имеет в запасе еще много нереализованных научных замыслов. И эти замыслы направлены на развитие ее любимого поприща — когнитивной лингвистики. Кроме того, она постоянно заражает молодых исследователей серьезным, глубоким отношением к науке, стремлением открывать все новое и новое. По убеждению одного из широко мыслящих ученых конца XIX-го — начала XX-го века Анри Пуанкаре, каждый шаг в научном творчестве должен представлять «искание особой красоты, основанное на чувстве гармонии»

(Пуанкаре 1983, с.293). Для достижения красоты и гармонии в результатах своего труда надо трудиться с благими намерениями, а не ожидать возникновения каких-либо кризисных ситуаций. Вот почему и Д.У. Ашурова и ее ученики в последнее время обратились еще к одной исключительно важной теме — к описанию концептуальной структуры сакральных текстов. Разве это не поиск красоты и гармонии избранного научного направления!

Итак, амплитуда научной деятельности Дилором Умаровны постоянно растет, она устойчива в своих жизненных и творческих credo. Придется повторить еще раз: она является человеком счастливым, хотя в ее жизни было много тревог и печалей. Она общалась с такими людьми, как И.Р.Гальперин, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Ю.В. Рождественский, О.И. Москальская, Л.С. Бархударов, Э.С. Азнаурова, Д.Ж. Буранов, Г.Г. Молчанова, работает с такими учеными, как А.А. Абдуазизов, А.С. Содиков, У.К. Юсупов, Д.С. Кулмаматов, М.И. Расулова, А. Исмоилов, А. Маматов, М. Ирискулов. Иначе говоря, ее всегда окружают люди — живые, с которыми она готова делиться всем. Д.У.Ашурова невероятно щедрa и доброжелательна, и это настоящий признак того самого человека, который умеет, как учил Конфуций, «вглядываться в Дао», в Дао лингвистической науки.

Да, время неумолимо. «Мы грустим, седину замечая...». Но не сегодня.

Вся многолетняя научная, педагогическая, организационная деятельность Д.У. Ашуровой свидетельствует, прежде всего, о том, что время над ней не властно. Она открыта новым идеям, новым проектам, а подведение итогов — всего лишь определение новых перспектив.

Для большого ученого юбилей отмечает время синтеза накопленного опыта, на основе которого систематизируются основные достижения, рождаются новые идеи и совершенствуется научная школа.

Использованная литература

1. Ашурова Д.У. Производное слово в свете коммуникативной теории языка. — Ташкент: Фан, 1991. — 98 с.
2. Ашурова Д.У. Стилистические и прагматические аспекты словообразования английского языка. Автореф. Дисс.... Докт. Филол. Наук. — Ташкент, 1993. — 43 с.
3. Ашурова Д.У. Некоторые проблемы когнитивной теории текста // Деривационные закономерности развития языка. — Самарканд: СамГИИЯ, 2009. — С. 6–10.
4. Ашурова Д.У. Коммуникативно-когнитивная теория текста // Linguistics — 1. — Ташкент: УзГУМЯ, 2010.
5. Балли Ш. Французская стилистика. — М.: Изд-во «Иностранная литература», 1961.
6. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. — М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. — 459 с.

7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 140 с.
8. Пуанкаре А. О науке. — М.: Наука, 1983.
9. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. — М., 2008.
10. Austin J.L. How to do things with words. — Oxford: Oxford University Press, 1962.